

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНЬЕ

Древнерусский текст

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ! Съдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтесь, но *ему же любя* дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте божий в сердце своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ съдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ: Аще вы послѣдняя не любя, а передняя примайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповаи* на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ,

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Перевод

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безленицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? *Уповай* на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми,

ни завиди творящимъ безаконье, занелукавнующии потребятся, терпящии же господя, — ти обладають землею. — И еще мало, — И не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротчии же наслаждать землю, наслаждаться на множествѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшныи, на пряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыхъ сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грѣшныи погыбнут; праведныя же милует и даетъ. Яко благословящии его наследуютъ землю, кленущии же его потребятся. От господя стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко господь подѣмлетъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣки вѣка».

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя челоуѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющися со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видитъ мечь; руцѣ свои умыть в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Изми мя отъ врагъ моихъ, боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье, и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а завтра радость». «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животъ моемъ, и о имени твоёмъ въздѣю руцѣ мои». «Покры мя отъ сонма лукаваго и отъ множества дѣлающихъ неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю господя на всяко время, воину хваля его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чисты, нескверныи, телеси худы, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди и питью бесѣда велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; безъ лукавства бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдоу,

не завидуй творящимъ безаконие, ибо лукавые будутъ истреблены, послушные же господу будутъ владеть землей». И еще немного: «И не будетъ грѣшника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуютъ землю и многимъ наслаждаться миромъ. Злоумышляетъ грѣшный противъ праведнаго и скрежетъ на него зубами своими; господь же посмеется надъ ним, ибо видитъ, что настанетъ день его. Оружье извлекли грѣшныи, натягиваютъ лукъ свой, чтобы пронзить нищаго и убогаго, заклати правыхъ сердцемъ. Оружье ихъ пронзитъ сердца ихъ, и луки ихъ сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грѣшнымъ. Ибо сила грѣшныхъ сокрушится, праведныхъ же укрепляетъ господь. Какъ грѣшныи погыбнут, — праведныхъ же милует и одариваетъ. Ибо благословляющие его наследуютъ землю, кленущии же его истребятся. Господомъ стопы челоуѣка направляются. Когда онъ упадетъ, то не разобѣется, ибо господь поддерживаетъ руку его. Молодъ былъ и состарился, и не виделъ праведника покинутымъ, ни потомковъ его просящими хлѣба. Всякий день милостыню творитъ праведникъ и займы даетъ, и племя его благословенно будетъ. Уклонися отъ зла, сотвори добро, найди миръ и отгони зло, и живи во веки вековъ».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на насъ ярость его, то воды бы потопили насъ».

«Помилуй меня, боже, ибо попра мя челоуѣкъ; всякий день нападая, теснитъ меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающихъ на меня свыше». «Возвеселится праведникъ и, когда увидитъ отмщенье, руки омоетъ свои в крови грѣшника. И скажетъ челоуѣкъ: «Если есть награда праведнику, значитъ есть богъ, творящій судъ на земле». «Освободи меня отъ враговъ моихъ, боже, и отъ встающихъ на меня защити меня. Избавь меня отъ творящихъ безаконие и отъ мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнѣвъ в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечеромъ водворится плачь, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чемъ жизнь моя, и уста мои да восхвалятъ тебя. Такъ благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня отъ сборища лукавыхъ и отъ множества дѣлающихъ неправду». «Возвеселитесь вси праведныи сердцемъ. Благословлю господя во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо какъ Василий училъ, собравъ юношей: имѣть душу чистую и непорочную, тело худое, бесѣду кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и питье безъ шума великаго, при старыхъ молчать, премудрыхъ слушать, старшимъ покоряться, с равными и младшими любовь имѣть, безъ лукавства бесѣдуя, а побольше разумѣть; не свиреповать словомъ, не хулить в бесѣде,

не обило смѣяться, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от бога мѣзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнѣмъ семь жити.

Научися, вѣрный человекъ, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу. Придѣте, да сожжемъся, глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякой крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человекѣколюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашъ, владея и животомъ и смертию, согрѣшенья наша выше главы нашея терпять, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бя, и паки привлечь е к собѣ, тако же и господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися.

А бога дѣла не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость божью.

«Что есть человекѣкъ, яко помниши и?» «Велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, никакъ же разумъ человекѣскъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ; — и паки речемъ: велий еси, господи, и чудна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое во вѣки по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоя и твоихъ великихъ чудес и доброт, устроенныхъ на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и там и свѣтъ, и земля на водахъ положена, господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличии, и птица и рыбы

не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из васъ можетъ другимъ принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечныхъ благъ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть *благочестию* свершителем, научись, по евангельскому слову, «очамъ управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грѣхъ». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говоритъ господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ обогрѣнные, — какъ снегъ обѣлю ихъ», и прочее. «Воссияетъ весна поста и цветокъ покаянья; очистимъ себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая къ светодавцю, скажемъ: «Слава тебе, человекѣколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человекѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, люди, грѣшны и смертны, и если кто намъ сотворитъ зло, то мы хотимъ его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь нашъ, владея и жизнью и смертию, согрѣшения наши превыше головъ нашихъ терпитъ всю нашу жизнь. Какъ отецъ, чадо свое любя, бьетъ его и опять привлекаетъ къ себе, такъ же и господь нашъ показалъ намъ победу надъ врагами, какъ тремя делами добрыми избавляться отъ нихъ и побеждать ихъ: покаяниемъ, слезами и милостынею. И это вамъ, дети мои, не тяжкая заповѣдь божья, какъ теми делами тремя избавить отъ грѣховъ своихъ и царствія небеснаго не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю васъ, не забывайте трехъ делъ техъ, не тяжки ведь они; ни затворничествомъ, ни монашествомъ, ни голоданиемъ, которые иные добродетельные претерпеваютъ, но малымъ деломъ можно получить милость божью.

«Что такое человекъ, какъ подумаешь о немъ?» «Великъ ты, господи, и чудны дела твои; разумъ человеческий не можетъ постигнуть чудеса твои», — и снова скажемъ: «Великъ ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое во веки по всей земле». Ибо кто не восхвалитъ и не прославитъ силу твою и твоихъ великихъ чудесъ и благъ, устроенныхъ на этомъ свете: какъ небо устроено, или какъ солнце, или какъ луна, или какъ звезды, и тѣма, и светъ, и земля на водахъ положена, господи, твоимъ промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы

украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чуду дивуемъся, како от персти создавъ челоуѣка, како образи розноличнии въ челоуѣчьскихъ лицахъ,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идут по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угодые челоуѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, *иже* та угодыя створилъ еси челоуѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоютъ, и челоуѣкы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣютъ. «А благословенъ еси, господи, и хвалень зѣло!» всяка чудеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите бога, давшего нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего примете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшныхъ помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоуѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпницу ѣздя.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицу оправдывайте сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужда никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братии или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословенье, и не устранийтесь от нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете от нихъ молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте

украшены твоимъ промыслом, господи! И этому чуду подивимся, какъ из праха создалъ человека, какъ разнообразны челоуѣчские лица; если и всехъ людей собрать, не у всехъ одинъ обликъ, но каждый иметъ свой обликъ лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, какъ птицы небесныя изъ рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильныя и слабыя идут по всемъ землямъ, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это далъ богъ на пользу людямъ, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к намъ, такъ какъ блага эти сотворилъ ты ради челоуѣка грѣшнаго. И те же птицы небесныя умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоютъ и людей веселятъ; а когда не повелишь имъ, то и имей языкъ онемеютъ. «И благословенъ, господи, и прославленъ зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворилъ и совершилъ. И кто не восхвалитъ тебя, господи, и не веруетъ всемъ сердцемъ и всей душой во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ!»

Прочитавъ эти божественныя слова, дети мои, похвалите бога, давшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственнаго слабого ума наставление. Послушайте мене; если не все примете, то хоть половину.

Если вамъ богъ смягчитъ сердце, пролейте слезы о грѣхахъ своихъ, говоря: «Какъ блудницу, разбойника и мытаря помиловалъ ты, такъ и насъ, грѣшныхъ, помилуй». И в церкви то делайте и ложася. Не пропускайте ни одной ночи,— если можете, поклонитесь до земли; если вамъ занеможетъ, то трижды. Не забываете этого, не ленитесь, ибо темъ ночнымъ поклономъ и молитвой челоуѣкъ побеждаетъ дьявола, и что нагрѣшитъ за день, то этимъ челоуѣкъ избавляется. Если и на коне едучи не будетъ у васъ никакого дела и если другихъ молитвъ не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всехъ лучше,— нежели думать безлѣпцу, ездя.

Всего же более убогихъ не забываете, но, насколько можете, по силамъ кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильнымъ губить челоуѣка. Ни правого, ни виновнаго не убивайте и не повелевайте убить его; если и будетъ повиненъ смерти, то не губите никакой хрестьянской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не кланитесь богомъ, не креститесь, ибо нетъ тебе в этомъ никакой нужды. Если же вамъ придется крестъ целоватьъ братии или кому-либо, то, проверивъ сердце свое, на чемъ можете устоять, на томъ и целуйте, а поцеловавъ, соблюдайте, чтобы, преступивъ, не погубить души своей. Епископовъ, поповъ и игуменовъ чтите, и с любовью принимайте от нихъ благословенье, и не устранийтесь от нихъ, и по силамъ любите и заботьтесь о нихъ, чтобы получить по ихъ молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте

в сердце и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дней. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдню не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гостя, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всемъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе-со-рома, и вамъ будетъ добро.

Его же умѣючи, того не забываютъ доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земля. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавшѣ богу хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвшѣ солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявсья, оправдивъ животъ», тако похвалю бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловѣхъхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

в сердце и в уме, но скажемъ: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старыхъ чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своемъ не ленитесь, но за всемъ сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домомъ вашим, ни над обедомъ вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожейъ сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всехъ сторон, около воиновъ ложитесь, а вставайте рано; а оружья не снимайте с себя второпяхъ, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человекъ погыбаеть. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погыбаеть и тело. Куда бы вы ни держали путь по своимъ землямъ, не дайте отрокамъ причинять вредъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни селамъ, ни посевамъ, чтобы не стали проклинать вас. Куда же поидете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолудин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подаркомъ,— то пищей и питьемъ: ибо они, проходя, прославятъ человека по всемъ землямъ, или добрымъ, или злымъ. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовавъ его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не дайте имъ власти надъ собой. А вотъ вамъ и основа всему: страхъ божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будетъ стыдно, и вамъ будетъ хорошо.

Что умеете хорошого, то не забываете, а чего не умеете, тому учитесь— какъ отецъ мой, дома сѣдя, зналъ пять языковъ, оттого и честь от другихъ стран. Леность ведь всему мати: что кто умеетъ, то забудетъ, а чего не умеетъ, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанетъ васъ солнце в постели. Такъ поступалъ отецъ мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потомъ на восходе солнца и увидевъ солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне светъ твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне годъ к году, чтобы впредь, в остальныхъ грѣхахъ своихъ покаявсья, исправилъ жизнь свою»; такъ я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить судъ людямъ, или ехать на охоту или на сборъ дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богомъ; по этому установленью почиваютъ ведь и зверь, и птица, и люди.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отец, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ с *Гордятичемъ*, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхи. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемъ подъ Полтескѣ, а на другую зиму с Святотполкомъ подъ Полтескѣ, — *ожьгѣше* Полтескѣ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскѣ, воюя, та Чернигову. И паки и-Смолиньска къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѿ к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолиньска же пришедъ, и приходх сквозѣ половецкыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескѣ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска, та на Дрютьскѣ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силы вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперъ поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозѣ землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курьску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставкомъ Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святотполком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову битъся с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятическую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили

- за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляются на Броды.
- Том же лѣтъ гонихом по половцѣхъ за Хороль, иже Горошинъ взяша.
- И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхавъ городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.
- На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.
- И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно половечскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И завтра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: *избихом* 900 половецъ, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.
- И потомъ на Святославль гонихом по половцѣхъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по половцѣхъ. И паки на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.
- И паки по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа, и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечскими; и у *Глѣбовы* чади пояхом дружину свою всю.
- И потом Олегъ на мя приде с Половчѣскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу *греблю*, и не владуче *внити* имъ въ острогъ; *сѣжаливѣси* хрестыянныхъ душъ и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхавъ сквозѣ полки половчскыѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.
- И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — *избихом* я, а другия *поимахом*.

- мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.
- В том же году гнались за Хороль за половцами, которые взяли Горошин.
- На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.
- В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.
- И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.
- И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополкъ умер.
- И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халѣпа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.
- И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я хрестыянских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святаго Бориса день из Чернигова и ехали сквозѣ полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.
- И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед прияли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

- И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.
- И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцам. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.
- И Смолинську идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки, идохом другое с Вороницъ.
- Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.
- И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолинська* идох Ростову.
- И паки, с Святополком гонихом по Боняцъ, но ли оли... убиша, и не постигохом ихъ. И потом по Боняцъ же гонихом за Рось, и не постигохом его.
- И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицъ дни выдох; и Гюргева мати умре.
- Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.
- И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятину, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изымахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепю*, и поимъ у него дочь, идохом Смоленську. И потом идох Ростову.
- Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу* с Святополком, и богъ ны поможе.
- И потом паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.
- И потом ходихом к *Воиню* с Святополком; и потом паки на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.
- И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти ѱ, ко Ромну идох со Олгомъ и з дѣтми на нь, и они *очутивше* бѣжаша.
- И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.
- И потом ходихом къ Володимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его.
- А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половецкыми князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половецкых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусъ с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту

- И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.
- И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половецами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.
- И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.
- Тогда же и торки пришли ко мне с половецами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.
- И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.
- И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.
- И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.
- В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.
- И Бонякъ пришел со всеми половецами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепю, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.
- Придя из Ростова, вновь пошел на половец на Урусобу со Святополком, и бог нам помог.
- И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.
- И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.
- И к Вырю пришли было Аепа и Бонякъ, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.
- И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.
- И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.
- А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусъ с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и

рѣчку въ *Салню*. По чередам избъено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмь: конь диких своима руками связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того *же* по *ровни* ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмь призиравъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла челоуѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаеся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но *аче* добро есть блюсти, божие блюденъе лѣплѣѣ есть челоуѣчьскаго.

бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мати, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие обережение лучше челоуѣчьскаго.

О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ суши, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьей, кающа и смѣренья не приемши межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отецъ вашъ небесный». Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавствующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье». «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцехъ нашихъ. Дьяволъ бо не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаетъ ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то съдѣть близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевъ местника, но възложивъ на бога, а стануть си предъ богомъ; а Русьскы земли не погубимъ». И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся, и бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряется — на бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ.

Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примешь с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словеса варихъ тя переди, его же почаяхъ отъ тебе, смѣрнемъ и поканемъ, хотя отъ бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но богъ всей вселенны, иже хоцетъ, в мгновеньи ока вся створити хоцетъ, то самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть влася, животомъ владея и смертию. А мы что есмь, человѣци грѣшни и лиси? — днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славу и въ чти, а завтра в гробѣ и бесъ памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словеса, пославше быше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и быше тебѣ, узрѣвши кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агнюцю заколену, и рещи быше, стояще надъ нимъ, вникнуци въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради нальзохъ грѣхъ собѣ, отцу и матери слезы».

И рещи быше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья, — помазанникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянью створивъ посыпа главу свою и плакася горко;

ПИСЬМО МОНОМАХА
К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцемъ и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, какъ бы не предстать передъ страшнымъ судьей, не покаившись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвитъ: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрѣшений брату, то и вамъ не проститъ отецъ вашъ небесный». Пророкъ говоритъ: «Не соревнуйся лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чемъ жить братьямъ вместе». Но все наученье дьявола! Были ведь войны при умныхъ дѣдахъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцахъ нашихъ. Дьяволъ ведь ссоритъ насъ, ибо не хочетъ добра роду человеческому. Это я тебе написалъ, потому что понудилъ меня сынъ мой, крещенный тобою, что сидитъ близко отъ тебя; прислалъ онъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, говоря въ ней такъ: «Договоримся и помиримся, а братцю моему божий судъ пришелъ. А мы не будемъ за него мстителами, но положимъ то на бога, когда предстанутъ передъ богомъ; а Русскую землю не погубимъ». И я видѣлъ смирение сына моего, сжалился и, бога устрашившись, сказалъ: «Онъ по молодости своей и неразумию такъ смиряется, на бога возлагаетъ; я же — человекъ, грѣшнее всехъ людей».

Послушалъ я сына своего, написалъ тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганьемъ, то и другое увижу изъ твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредилъ тебя, чего я ждалъ отъ тебя, смирениемъ и покаиваниемъ желая отъ бога отпущения прошлыхъ своихъ грѣховъ. Господь нашъ не человекъ, но богъ всей вселенной, — что захочетъ, во мгновение ока все сотворитъ, — и все же самъ претерпелъ хулу, и оплеванье, и удары и на смерть отдалъ себя, владея жизнью и смертию. А мы что такое, люди грѣшные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделятъ.

Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: что они скопили и на что имъ одежды? Только и есть у нихъ, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, братъ, надлежало послать ко мнѣ и предупредить меня. Когда же убили дѣтя, мое и твое, предъ тобою, следовало бы тебе, увидевъ кровь его и тело его, увянувшее подобно цвѣтку, впервые распустившемуся, подобно агнюцю заколотому, сказать, стоя надъ нимъ, вдумавшись въ помыслы души своей: «Увы мнѣ, что я сделалъ! И, воспользовавшись его неразумиемъ, ради неправды света сего суетнаго нажилъ я грѣхъ себе, а отцу и матери его принесъ слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грѣхъ мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершивъ прелюбодѣянью, помазанникъ божий Давидъ посыпалъ главу

во ть час отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ея въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ея первѣ радости, ни вѣнчанья ея, за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *сломя*, да с нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ дрѣвѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди и отцы наши*: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужъ умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжего,—ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каютися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и прежде; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мести никъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на ты шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человекъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдять сынъ твой хрестный с малым братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ—а о се ся ряди; али хочеш тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русскѣй земли. А его же то и хочеш насильем, тако въ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не сторила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его! Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего. На страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.

свою и плакалъ горько,—в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне,—ибо нет в ней ни зла, ни добра,—чтобы я, обняв ее, оплакалъ мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым посланцем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каютися богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира хрестьянам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа моя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.